

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

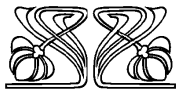
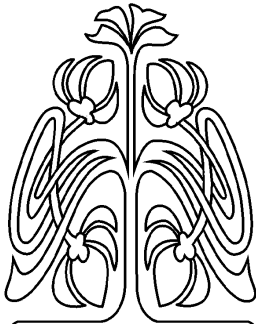
Рецензия на кн: Джон Т. Александер. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. / отв. ред. д-р. ист. наук В. Я. Мауль ; авторизован. пер. с англ., вступ. ст. и примеч. канд. ист. наук. И. В. Кучумова. Уфа : ИП Галиуллин Д. А., 2011.

Автором монографии, переведенной И. В. Кучумовым, является американский ученый Джон Т. Александер, специалист по истории России XVIII века. Монография была впервые опубликована в США в 1973 г. (дословный перевод ее названия: «Император казаков: Пугачев и Жакерия фронта 1773–1775 гг.»). Данная книга является в англоязычной литературе первым исследованием, специально посвященным истории пугачевского восстания. Монография написана по материалам опубликованных и неопубликованных источников, а также с использованием трудов русских и советских авторов о восстании Пугачева.

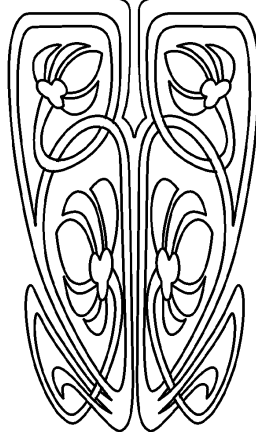
Следует иметь в виду, что Дж. Александер адресовал свою книгу широкому кругу читателей. Данным обстоятельством объясняется предельная сжатость справочного аппарата. Важно то, что автор ставит перед собой задачу популяризировать накопившиеся в исследованиях сведения о крупнейшем народном выступлении в России третьей четверти XVIII века, что само по себе заслуживает уважения. В то же время рецензируемая монография отличается высококвалифицированным подходом автора к решению своей задачи. Профессионализм Дж. Александера виден в его оценке источников. Так, в предисловии к монографии он отмечает трудности, с которыми он столкнулся при использовании материалов следствия над Пугачевым¹.

Американский исследователь, благодаря глубокому пониманию проблем, связанных с изучением пугачевского восстания, смог представить в данной работе его оценку в контексте мировой истории. Рассмотрение крестьянского восстания в России с этой точки зрения следует признать серьезным шагом в постижении его смысла. В данном контексте восстание Пугачева, по мнению Александера, занимает место среди выдающихся событий XVIII века. Большой интерес представляет высказывание автора монографии о том, что пугачевский бунт можно поставить в один ряд с революциями, охватившими Европу и Америку в последние десятилетия XVIII века (тут он имеет в виду Войну за независимость в Северной Америке (1775–1783) и Великую Французскую революцию). Восстание под предводительством Пугачева, по словам автора монографии, «по-своему подтвердило правоту утверждения» Екатерины II о том, что Россия является европейским государством. Александер уверен, что крестьянское восстание в России 1773–1775 гг. помогает понять европейскую историю XVIII века². Мало того, события Войны за независимость в Северной Америке, по его мнению, имеют общие сущностные черты с крестьянской войной в России. «Американская революция и восстание Пугачева, – пишет он, – обладают удивительным сходством: оба эти движения нанесли мощные удары по Старому режиму с его представлениями об общественном устройстве, основанном на привилегиях дворян»³.

Следует заметить, что автор монографии во многом опирался на труды не только дореволюционных русских историков, но и советских авторов. Поэтому вполне понятен его вывод о том, что движение под предводительством Пугачева «освещает события в тогдашней России снизу, как бы с точки зрения народных масс»⁴. Правда, он стремится подчеркнуть, что не склонен рассматривать все события в России XVIII в. только через призму общественных конфликтов – «классовой борьбы» (автор монографии заключает это понятие в кавычки как заимствование из лексики советских ученых. – А. М.). В то же время оценка значения этого восстания, указание на его сущность, сравнение

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

с крупнейшими социальными потрясениями в Европе и Северной Америке указывают на то, что Александр рассматривает события в России 1773–1775 гг., прежде всего, как социальное движение, по терминологии советских историков – как явление классовой борьбы. Называя восстание Пугачева движением, которое нанесло столь же мощный удар по старому режиму, как и Война за независимость, Александр, фактически, присоединяется к обозначению его характера, определенного в советской историографии как антифеодальное движение.

Подробное изучение хода этого восстания, процесса втягивания в движение различных слоев населения, распространения его на обширные территории привело Александра к выводу, который согласуется с точкой зрения многих советских исследователей: «Мятеж, начавшийся как бунт в защиту казацкой независимости, в финале превратился в настоящую войну...»⁵ Правда, автор монографии не прибегает к определению «крестьянская война», привычному в советской историографии. Вопрос о том, насколько понятие «крестьянская война» соответствует сущности событий 1773–1775 гг., продолжает оставаться актуальным для современных российских исследователей. Ю. Н. Смирнов поднимает эту проблему в своей недавней статье, однако определенного ответа на поставленный вопрос он не дает⁶.

Основательное знакомство с широким кругом источников и значительным комплексом исследований, посвященных восстанию, позволило автору монографии достаточно коротко и в то же время подробно осветить его основные события. Правда, в некоторых случаях заметно, что текст подвергался сокращению. В результате этого возникли некоторые неточности и неясности. Так, один из разделов главы VI, посвященной взятию Пугачевым Казани, носит название «Мечь Минеева» по имени одного из действующих лиц событий подпоручика Федора Минеева. Однако по содержанию раздела неясно, почему действия этого персонажа повествования можно назвать мечью, и кому он мстил⁷. В одном из разделов главы VII неожиданно упоминается «флот повстанцев», о существовании которого ранее ничего не сказано и нет пояснений, каким образом он возник и из каких судов состоял⁸.

Американский исследователь сумел сделать ряд ценных наблюдений и обобщений, которые достойны пристального внимания. Интересна оценка личности Пугачева, которую автор монографии дает в предисловии к своей книге. Отмечая тот факт, что и сама личность Пугачева, и многие эпизоды его биографии остаются неясными, американский исследователь отмечает, что «биографии народных героев, как правило, окружены ореолом тайны»⁹. В ходе дальнейшего изложения он замечает, что образ монарха в народном сознании в XVIII в. был «аморфным и неоднозначным». И это обстоятельство «облегчало восприятие Пе-

тра III в антигосударственном и антидворянском ключе»¹⁰. С другой стороны, характеризуя тот образ, который создал себе Пугачев, приняв имя императора, Александр подчеркивает, что его дуализм – «императора» и казака – «был отражением ситуации в рядах повстанцев»¹¹. Возможно, здесь следовало обратить внимание на то, что Пугачеву хотелось продемонстрировать свою связь с народной средой. Будучи прирожденным лидером, он понимал, что это обстоятельство должно сыграть решающую роль в завоевании доверия как широких кругов казачества, так и других слоев трудового населения Российской империи.

Однако не все обобщения, предложенные Александром, можно признать справедливыми. Показывая расширение границ России и колонизацию вновь присоединенных территорий, на которые устремлялись беглые крестьяне, он пишет: «...процесс русской экспансии напоминал гигантскую облаву: на розыск беглых власти посылали своих чиновников»¹². В данном случае, Александр упрощает ситуацию, рисуя этот процесс односторонне.

Особого внимания заслуживает заключительная глава рецензируемой монографии. В ней содержатся наблюдения и выводы Александра по таким кардинальным вопросам, как определение характера движения под предводительством Пугачева и оценка его места в ряду важнейших политических событий XVIII–XX веков; выяснение целей, которые ставили перед собой повстанцы, и особенностей их идеологических установок. Рассмотрение этих проблем позволяет отнести книгу Александра к числу наиболее интересных исследований по теме о Пугачевском восстании. Как справедливо заметил Смирнов, интерпретация и дефиниция событий 1773–1775 гг. в России остается актуальной в современной историографии¹³. Александр в своих оценках характера восстания опирается на работы американских историков середины XX в., изучавших революцию как социальное явление XVIII–XX вв. и предложивших классификации событий такого характера. С точки зрения теории революции К. Бринтона, как пишет Александр, «...пугачевщину, возможно, следует считать неудавшейся революцией с элементами территориально-национального восстания»¹⁴. Еще более плодотворной, по мнению Александра, является оценка движения под предводительством Пугачева, которая дана Ч. Джонсоном. Он выделил шесть типов революций, и события в России 1773–1775 гг. относил к первому типу революций, каковым считал крестьянское восстание¹⁵. Александр приводит собственные аргументы, подтверждающие, с его точки зрения, оценку, данную Ч. Джонсоном¹⁶. Как видим, в представлениях американских историков понятие крестьянское восстание тесно связано с понятием революции.

Очень интересен раздел заключительной главы монографии, в котором Александр рассматри-

вает вопрос о том, почему крестьянское восстание в XVIII в. удалось подавить с помощью армии, которая комплектовалась из тех же крестьян¹⁷. Следует отметить, что советские историки не уделяли должного внимания этому вопросу, в то время как он является одним из самых важных для изучения причин неудач народных выступлений.

Александр пытается также найти ответ на вопрос, почему крестьянские восстания в России не были столь частыми явлениями, как можно было ожидать, учитывая тяжесть крепостного гнета для основного населения страны. Автор монографии находит объяснение этому в целом комплексе причин, как социально-экономического, так и социокультурного характера. В целом, этот комплекс причин можно охарактеризовать как отсутствие в России в XVIII в. элементов буржуазных отношений (правда, Александр не прибегает к этой формулировке). Объяснение недостаточной политической активности крестьянства и осознания необходимости изменения социального строя России у представителей других общественных слоев этим комплексом причин можно признать достаточно основательным. Однако, очевидно то, что Александр, рассматривая проявления протеста крестьянства и других социальных слоев в России, не выходит за рамки ограниченного периода с середины XVIII в. до начала XX века. Бурные события XVII столетия и начала XVIII в. остались за пределами его внимания. При изучении обозначенной автором монографии проблемы причин массовых движений против крепостничества следует рассматривать весь период существования крепостного права.

Публикация перевода монографии Александра является ценным вкладом в историографию восстания под предводительством Пугачева. Она

знакомит читателя с выводами и обобщениями талантливого исследователя этого сложного явления в истории России. Появление в печати данной работы Александра позволяет пополнить количество компетентных, основанных на источниках работ, посвященных народным движениям, которые в современной российской историографии, к сожалению, стали редким явлением.

Примечания

- ¹ Александр Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа, 2011. С. 13–14.
- ² Там же. С. 11.
- ³ Там же. С. 12.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 135.
- ⁶ Смирнов Ю. Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестн. Самарск. гос. ун-та. Гуманитарная сер. 2007. № 5/3 (55). С. 158–166.
- ⁷ Александр Дж. Т. Указ. соч. С. 111–116.
- ⁸ Там же. С. 133–134.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 38.
- ¹¹ Там же. С. 63.
- ¹² Там же. С. 16.
- ¹³ Смирнов Ю. Н. Указ. соч. С. 159.
- ¹⁴ Александр Дж. Т. Указ. соч. С. 152.
- ¹⁵ Там же. С. 153.
- ¹⁶ Там же. С. 154–156.
- ¹⁷ Там же. С. 158–159.

А. С. Майорова